



# ИЗДАНИЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИИ

## БЛОКАДНОЙ ПАМЯТИ ДНЕВНИК...



Ленинград – город-герой, переживший почти 900-дневную блокаду. О том времени написано много статей и книг, снято художественных и документальных фильмов. И все же, встречаясь сегодня с жителями блокадного города, мы открываем для себя блокаду заново. Писатель Даниил Гранин, воевавший на Ленинградском фронте и, казалось бы, знавший о блокаде все, так рассказывал о создании «Блокадной книги»: «Я увидел, что существовала во время блокады неизвестная мне внутрисемейная и внутридушевная жизнь людей, она состояла из подробностей, деталей, трогательных и страшных, необычных. <...> У каждого оказалась своя трагедия, своя драма, своя история, свои смерти. Люди и голодали по-разному, и умирали по-разному... Мы набрали сто рассказов, и ничего не повторилось».

В преддверии 80-летия полного снятия блокады Ленинграда офицеры СК России встретились с ветеранами, которые вместе со своим городом переживали



# ИЗДАНИЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИИ

**страшные дни. Их истории в нашем специальном материале.**

---

## **Сила материнской любви**

Людмила Михайловна Смирнова провела в Ленинграде все 900 блокадных дней. Она была маленьким ребенком, но некоторые события того времени навсегда остались в ее памяти. Кроме того, о блокаде рассказывали родители, которые трудились в Ленинграде и на Дороге жизни.

«Мне было два с половиной года, когда началась война. Папа ушел добровольцем на фронт и был шофером на Дороге жизни, прошел всю войну. Мама все 900 дней блокады работала курьером первого отдела на “Петрозаводе”, который в блокаду стал головным предприятием по производству тральщиков и барж для нужд фронта и осажденного Ленинграда. А я ходила в детский сад “Очаг”. Его сотрудники сделали все возможное, чтобы сберечь нам жизнь. Нашу воспитательницу звали Анна Павловна. Две нянечки в нашей группе за время блокады умерли от голода, но все дети остались живы. Нас поили зеленым отваром, как я позже узнала, из хвои, это были своего рода витамины. Настоящим лакомством для нас была дуранда – жмых от подсолнечного масла. Коровая мука, столярный клей – это тоже знакомо ленинградским детям и незнакомо другим. Мы выжили благодаря взрослым!

Вообще, для женщин дети в блокаду, наверное, были самым главным стимулом, чтобы выжить. Ради нас они были готовы на все. У мамы была очень тяжелая работа. Она ходила пешком через весь город под бомбежками и обстрелами. И, несмотря на это, даже праздники старалась мне устраивать. Перед Новым годом мама всегда ставила в стеклянную пол-литровую или литровую бутылку из-под молока еловые ветки, а на них вешала игрушки из папье-маше. Одна из главных игрушек блокадного Ленинграда – Кот в сапогах, который несет письмо. Все мечтали получить весточку с фронта. Также были очень популярны фигурки овощей и фруктов: хоть бумажные, но морковь, лимон, груша. А еще мама всегда старалась к празднику добыть либо лишний кусочек хлеба, либо еще что-то. Однажды в канун Нового года она взяла меня с собой на завод. Было воскресенье, но завод работал, а детский сад закрыт. И моряки, которые приехали на завод, подарили мне куклу! Я так радовалась этому подарку! И, конечно, после праздника понесла ее в детский сад.

В “Очаге” у нас тоже были праздники. Мама была большой мастерицей и всегда умудрялась из каких-то старых вещей сшить мне наряд. Всей группой мы делали гирлянды из бумажных колечек и украшали елку. А еще мы ходили выступать перед ранеными в госпиталь, который находился напротив детского сада. Читать мы не умели, но воспитательница учила с нами стихи. Я читала стихотворение С. Маршака “Два котенка” и тогда даже не знала ни точного названия, ни автора. Но до сих пор помню его наизусть. Его знают мои дочери и мой внук. Это уже наше семейное произведение.

За время блокады я переболела почти всеми детскими болезнями. Однажды меня положили в



# ИЗДАНИЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИИ

больницу после того, как я сильно ушибла ногу, и она распухла. И вот пришел день моей выписки, мама пообещала меня забрать. Но день подходил к концу, а ее все не было. Уже прошел ужин, и нянечка пыталась уложить меня спать, а я все не ложилась и ждала маму, ведь она обещала, что придет. И она пришла. Оказывается, начавшийся артобстрел заставил ее задержаться, но она помнила о данном мне обещании и при первой возможности пришла. С тех пор я старалась всегда выполнять данные мной обещания, учила этому своих детей и учеников.

В 1944 году мы с мамой переехали с Большой Охты на Малую. Наш деревянный дом разобрали на дрова. Там было четыре школы. Я поступила в 145-ю школу. Мы стали первым послевоенным выпуском 10-го класса и в честь этого события посадили аллею деревьев, на последнем звонке передав ее первоклассникам. Мне повезло. Мое дерево растет до сих пор.

Еще в школе я решила стать учителем. Видела себя только в этой профессии. Всегда помогала отстающим по учебе ребятам и очень радовалась, когда они получали хорошие отметки. У нас были прекрасные учителя, многие из которых только вернулись с фронта. Лидия Ивановна Шастина преподавала нам математику, Лидия Ивановна Довжек – немецкий язык. Окончив школу, я поступила в Герценовский педагогический институт. Ребята из нашей группы хотели работать в Заполярье, поэтому, не дожидаясь вручения дипломов, мы поехали в Мурманскую область. Там получили дипломы и приступили к работе. Я работала в Оленегорской школе № 2. В 1963 году вернулась в родной город».

Людмила Михайловна более 30 лет проработала учителем химии в средней школе № 533 Красногвардейского района. В 1978 году ей присвоено звание Героя Социалистического Труда, в 1994-м – заслуженного учителя Российской Федерации, а с 2003 года она – почетный гражданин Красногвардейского района города Санкт-Петербурга.

## **С городом одной семьей**

Житель блокадного Ленинграда Вячеслав Сергеевич Лялин всю блокаду провел в городе с мамой, бабушкой и дедушкой.

«Когда началась война, мне не было еще и трех лет. Два моих родных дяди были военными. Один служил в штабе округа в Ленинграде всю войну. Второй дошел до Берлина, потом его отправили на Дальневосточный фронт. Мама работала в госпитале на Невском, 174–176.

Мы жили на Перекупном переулке, в доме № 7. По этому адресу в доходном доме мой дед, Александр Матвеевич Герасимов, снимал квартиру на шестом этаже. Когда была тревога, мы с бабушкой спускались вниз и шли к нашим родственникам через двор. Они жили на первом этаже в доме № 9. Там собиралось много соседей. Все друг друга знали, общались, здоровались. Мы, дети, играли в самой большой комнате. Однажды бомба попала в наш дом, прошла все этажи и осталась, не разорвавшись, лежать на полу второго этажа. От сотрясения



## ИЗДАНИЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИИ

упало и разбилось зеркало, которое висело над оттоманкой. Эти осколки запечатлелись у меня в памяти на всю оставшуюся жизнь. Было страшно.

Все взрослые похватили детей и выскочили на улицу. Вместе с моей бабушкой был еще дядя. Он схватил меня, а бабушка – другого ребенка. Выскочили во двор, а она забыла ключи. Дядя побежал за ними, выходит из квартиры, и тут же девушки, которые занимались тушением, его остановили и спрашивают: “Ну что, грабежом занимаешься? Не успела бомба попасть в дом, ты уже воровать полез?” Это говорит о том, насколько четко была налажена жизнь, как народ беспокоился за город, за его состояние, за сохранение.

Впечатление или ощущение, которое осталось от блокады на всю жизнь, – это голод. Помню, как бегал за бабушкой хвостиком и спрашивал: “Бабушка, скоро кушать будем? Бабушка, скоро кушать будем?” Какую-то пищу мы получали. Нам выдавали карточки на хлеб. А еще у деда на начало войны сохранилось определенное количество плиток столярного клея. Бабушка из них варила студень. А наполнителем для него становились опилки, которые мы бережно собирали после того, как распиливали мебель для буржуйки, чтобы согреться.

Были и маленькие радости в блокаду. На Новый год дед приносил домой живую елку. Косую, кривую, неважно, но живую. Он был рукастый мужик. Каждый год устраивал праздник. Игрушки были еще довоенные, а какие-то и дореволюционные. Но мы делали и бумажные бусы. Собирали цветные листья, резали узенькие полосочки и делали колечки. Это был исключительный праздник – праздник радости, детского счастья, детского наслаждения.

Когда объявили о прорыве блокады, вокруг была такая радость, которую сложно передать словами. Люди на улице обнимались, целовались, ликовали и одновременно плакали. Конечно же, еще больше эмоций мы испытали, когда город был полностью освобожден от блокады. Эти положительные эмоции мы продолжали испытывать еще долгое время, потому что наконец не было бомбежки, появилось ощущение спокойствия, умиротворенности, радости жизни».

А еще Вячеслав Сергеевич рассказал, как любовь к русской поэзии спасла жизнь его дяде на фронте: «Самым счастливым и исключительным случаем для нашей семьи был тот факт, что муж моей родной тети Лидии Александровны Герасимовой, Александр Иванович Потапов, служил в танковых войсках и носил, несмотря на значительный вес и объем, в своем рюкзаке томик Пушкина. Этот томик и спас ему жизнь во время одного из боестолкновений. В дядю стреляли и попали в книгу. В ней осталось три отметины от трех вражеских пуль. Спасибо Александру Сергеевичу Пушкину за то, что уберег Александра Ивановича. Тяга к искусству, чему-то светлому, новому привела к тому, что он не лишнюю пару одежды положил себе в рюкзак, а взял книгу. Видимо, стихи Александра Сергеевича помогали ему где-то в перерывах между боями. Дядя дослужился во время войны до майора. Затем долгое время работал на Кировском заводе, так как танки и все, что с ними связано, проходили красной нитью через всю его жизнь».



# ИЗДАНИЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИИ

Подвиг ленинградцев навсегда останется в памяти потомков. Сотрудники Следственного комитета России сделают все возможное, чтобы сохранить историю блокады для будущих поколений.

## Из дневников блокадников

**Ольга Берггольц**, поэтесса, писательница, «голос» блокадного Ленинграда:

*«5 октября 1941 года. ...Мы жили на дрожащей земле, под воющим небом. Наш слух работал без нашего контроля, ловя каждый звук – не сирена ли? Не свист ли бомбы или снаряда? Не немецкий ли самолет? Наш или немецкий? В меня или не в меня? Когда раздавался отбой, все тихонечко вторили ему, напевали его, думая: “Этого больше никогда не будет...” Мы научились понимать, что значит дом, жилище, человеческое жилище, которое ежеминутно готово было защитить нас».*

**Миша Тихомиров**, 15 лет:

*«14 декабря 1941 года. Спали до 11 часов. День прошел незаметно. Варили обед, я доделал микроскоп, но еще не испытал его. Вечером прочли при камине 3 главы “Морского волка”. Скоро должны выключить электричество. До этого момента читаю “Большие надежды” Диккенса. Потом – спать. К вечеру оставил четыре ломтика сушеного хлеба (очень маленьких), кусочек сухаря, пол-ложечки топленого сахара (чаю я не пил во избежание запухания), и будет еще благодаря воскресенью выдача шоколада. Сегодня подсчитал остатки клея – 31 плитка. Как раз на месяц».*

**Борис Асафьев**, композитор. В блокадном Ленинграде написал около 30 работ:

*«Январь 1942. С бомбежками стало тише. И вообще настала тишина. По улицам скорбным потоком тянулись саночки и тележки с окутанными, как мумии, трупами. Надо было беречь волю и только волю. Организм возжелал сна... Опять тьма, опять холод, не помню сколько времени. Сердце уже стало уходить, и вдруг в мозгу возникла музыка. Среди полного отсутствия различия, – живем ли мы днем или ночью, помню, я начал сочинять симфонию “смен времен года” вокруг быта русского крестьянства... Вскоре мы перебрались из тьмы в помещение Института театра и музыки, на площади у Исаакья. Нас вывез из театра ночью на саночках покойный теперь директор института, незабвенный Алексей Иванович Маширов. Это и спасло».*

**Таня Вассоевич**, 13 лет:

*«27 марта 1942 года. Вова и мама похоронены в настоящих гробах, которые я покупала на Среднем проспекте у второй линии за хлеб. Худяков вырыл могилы за крупу и хлеб. <...> Я стояла в комнате у печки, отвернувшись, и не плакала, мне было страшно. Я не понимала, не*



# ИЗДАНИЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИИ

*верила... Я никогда в жизни не видела близко мертвого человека».*

---

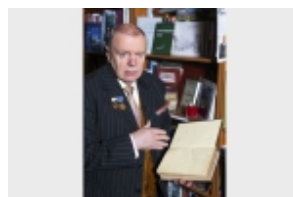
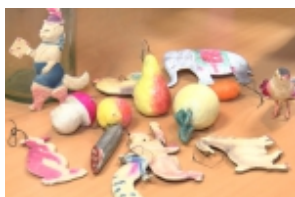
**Андрей Быков, 12 лет:**

*«31 января 1944 года. Недавно у нас в Ленинграде был салют из 324 орудий 24-мя залпами. Ровно в 8 часов вечера с кораблей, стоявших на якоре.*

*Как было красиво! Как днем, даже ярче. ... Вся Нева была освещена тысячами ярких ракет. ... Больше никогда не будут немцы обстреливать Ленинград!»*

Подготовлено управлением взаимодействия со СМИ

## Изображения



01 Февраля 2024

Адрес страницы: <https://pressa.sledcom.ru/Gazeta/-2-128-31-yanvary-a-2024/item/1857959>